

Ди проснулся, когда холодный предутренний свет наполнил амбар до самых стропил под высокой крышей. Спал он часа три. Для дампиря вроде него не имело значения, работать ночью или днем, но даже его тело иногда требовало отдыха. Возможно, бледные тени, что омрачали утонченные черты охотника, оставило перенапряжение — следствие необходимости трудиться в последнее время исключительно в дневные часы.

В сарай пробрался туман, просочившись в щели окон и дверей, но пелена не была настолько густой, чтобы помешать действовать. Тем более она не мешала зрению Ди, не отличаясь, на его вкус, от безоблачного полудня.

Со свойственной ему сверхчеловеческой скоростью охотник двинулся к выходу, покидая амбар.

Поступь его была легкой — так движется даже не сама кошка, так скользит тень кошки. Пускай скрытность считалась врожденной особенностью аристократов, но даже они не могли бы двигаться бесшумнее Ди.

Приблизившись к расположенной неподалеку конюшне, Ди резко остановился. В семи-восьми ярдах перед ним возвышалась, отражая первые лучи солнца, каменная стена дома мэра. Одно из окон распахнулось, и из него высунулась Лина, облаченная в светлую ночную рубашку. Прямо под подоконником располагался маленький ящик для цветов. Протянув руку, девушка ухватила что-то белое, лежавшее там.

Ди видел все. Лина взяла белый цветок. Охотник не знал, как он называется, но головки таких вот крохотных детей природы зачастую покачивались вдоль дорог Фронтيرا. Кто же мог кинуть цветок в ящик?

Прижав подарок к груди, Лина смотрела вниз, на вечную дорогу, исчезающую в белесом тумане, и казалось, что девушка вот-вот заплачет.

Вскоре окно закрылось. Тогда Ди вошел в стойло, оседлал свою лошадь и направил ее в сторону развалин. Очень, очень тихо, стараясь не издать ни звука, будто не желая нарушить сон юной девушки.

Но едва Ди выехал со двора, как пустил скакуна во весь опор, разрывая бесплотную завесу тумана. Во все стороны полетели остатки хрусткого слежавшегося снега. Туманные дьяволы, занятые порчей урожая, потревоженные ранним всадником, поплыли было посмотреть, куда это он, но не успели даже прикоснуться к охотнику — раздавленные, разметанные, закружились они за спиной уносящейся лошади.

Промчавшись по деревне, Ди взлетел на холм и оказался у входа в развалины меньше чем через двадцать минут после того, как вышел из амбара. Привязав лошадь к выступу в тронутый временем стене, охотник ступил во двор.

Туман окутывал руины.

Пройдя по коридору в зал, Ди повернул ко входу в лабораторию, но неожиданно остановился почти в центре комнаты.

Остановился, чтобы оглянуться на картину на стене. Ту самую, от которой заблестели глаза молодой девушки, желавшей изучать историю аристократов.

В тот миг, когда охотник, оторвавшись от полотна, зашагал вглубь развалин, потолок и стены вокруг двери затрещали. Красная молния и свирепая газообразная энергия, проникшие в щели

меж камнями, атаковали дампира. Мгновение, потребовавшееся Ди, чтобы увидеть опасность и решить, как избежать ее, обернулось гирей на весах жизни и смерти.

Удар выбил почву из-под ног охотника и швырнул его на стену. Полетели камни, а эхо подхватило оглушительный грохот от их падения.

Теперь перед входом лежала гора булыжников. Проникнуть во внутренние комнаты стало невозможно — разве что привезти сюда специальные камнебитные орудия и, естественно, воспользоваться ими по назначению.

Ди лежал на полу, привалившись к стене. Пыль, поднявшаяся от столкновения, запорошила полы черного плаща. Двигаться охотник не мог. Тело его пронзил заряд, уничтоживший сотни тонн камня, к тому же отброшенный дампир ударился головой. Обычный человек погиб бы в ту же секунду от одних только внутренних повреждений, да и Ди досталось.

По несчастливому стечению обстоятельств Ди оказался здесь в тот момент, когда был реализован проект уничтожения входа, который обсуждали ночью давешние незнакомцы.

* * *

Одиноким всадник скакал по лесной дороге в нескольких милях от деревни. Его квадратный, грубо вытесанный подбородок зарос щетиной, а зверский взгляд вполне соответствовал угрюмому лицу. Внешность его, а также пружинный пистоль на поясе давали ясное представление о личности этого человека. Он был разбойником, одним из многих кочующих по Фронтиру.

Если светила возможность добыть хоть немного денег, этот тип не гнушался шантажом или грабежами, не остановился бы он и перед убийством. Кожу под толстым плащом с электроподогревом испещрило множество шрамов от пулевых и ножевых ран, мочка правого уха отсутствовала, хотя исчезла она не бесследно — на ее месте багровела жуткая короста. Мочку громиле оторвала одна молодая дама в предсмертной агонии — бандит душил женщину.

Уже несколько дней его обуревало желание заполучить сытную жратву и грудастую бабу. Наверное, злодей представлял удовольствия, ожидающие его в следующей деревне, поскольку обветренные губы кривила похабная ухмылка.

— Какого?..

Не веря своим глазам, мужчина натянул поводья. В пятнадцати шагах от него из-за деревьев на дорогу выступила юная леди, что уже само по себе было соблазнительно. Но ее формы буквально сожгли сетчатку глаз разбойника.

Девушка была абсолютно голой!

«Что это... фронтирская шлюха? Но даже если она проститутка, непонятно, отчего она бродит тут в таком виде... Может, чокнутая?»

Здравый смысл и способность соображать уже покинули головореза, теперь он мог думать только о том, что сделает с девчонкой. И все же он помедлил секунду, озирая окрестности, — бесчисленные кровавые стычки научили его осторожности.

«Никого? Тогда разобраться с этой крошкой — раз плюнуть. Поимею ее во все дырки, а потом прикончу. В этой глуши трупа никто не найдет...»

Плану, однако, не суждено было так легко осуществиться.

Едва мужчина, зловеще усмехаясь, спешил, девушка оглянулась, обольстительно подмигнула ему и ринулась в лес. Изгибы ее тела свели мужчину с ума, какие там были округлости! Крепкие, как налитой плод, готовый вот-вот лопнуть, истекая соком, как бывает только у молодых спелых женщин. Привязав лошадь к ближайшему дереву, разбойник кинулся за красавицей в чащу — в мир тьмы, из которого нет возврата.

Погоня длилась минут пять. Дыхание с шумом вырывалось из груди мужчины.

Продравшись сквозь буйную зелень, поглотившую обнаженную фигурку, бандит внезапно застыл как вкопанный.

Девушка лежала прямо перед ним на лужайке. Взгляд молодчика прилип к пышным грудям с ярко-розовыми сосками, потом переполз на влажно поблескивающие бедра. Красотка застонала и выгнулась дугой, демонстрируя свою телесную роскошь более, чем то было необходимо, но едва ли мужчина сейчас соображал хотя бы что-нибудь. Ее бледная кожа казалась странно бескровной, лишь губы рдели, как пламя, но головорез и этого не заметил.

Он пал на белое тело камнем, как сокол из поднебесья, и впился в полные губы, всасывая их, выкручивая, добираясь языком до зубов.

И девушка ответила.

«Фантастика!»

Подняв ненароком взгляд, он увидел лицо молодки.

Она смеялась, и личико ее было ликом дьявола.

Мужчина попытался отскочить, но одна хрупкая ручка удержала его, притянув к земле, а пальцы другой впились в запястье правой руки бандита, схватившейся за пистоль.

Когда алые губки раздвинулись, обнажив клыки, и припали к шее злодея, человек наконец закричал. И хотя кричал он долго, темный лес поглотил все звуки.

* * *

Когда классу сообщили, что мистер Мейер отсутствует, Лина почувствовала на себе взгляды всех учеников.

Деревня знала о вчерашнем инциденте.

Монстр доселе неизвестного вида ворвался на соседнюю со школой ферму, убил мать, дитя и кого-то проходившего мимо. Кроме того, один из членов Комитета бдительности, дежуривший у реки для контроля за уровнем воды и считавшийся пропавшим без вести, поутру был найден под мостом мертвым, и утверждения следствия об отсутствии на теле каких-либо ран никто не поверил.

Все это было бы еще ничего, но, когда извещенный о происшествии мэр направился в амбар, он не обнаружил там ни Ди, ни трупа чудовища — лишь крепко спящую женщину, на лбу которой темнел какой-то значок, напоминающий букву «т». Лина до сих пор размышляла: был он нарисован кровью или чем-то другим.

Естественно, мэр разгневался и в пух и прах разнес Комитет бдительности за халатность. С одной стороны, он велел им установить текущее местонахождение Ди, а с другой — предупредил держать эту информацию в секрете. Однако деревня была слишком мала: к тому времени, как Лина и прочие учащиеся вышли из школы, краткая версия событий облетела практически каждый дом. Сведения о том, что мистер Мейер, по всей вероятности, был одним из тех, кого утащил монстр, уже широко распространились.

И хотя преподаватель, пришедший известить студентов об отсутствии учителя, сослался на простуду мистера Мейера, это нисколько не развеяло мрачных предчувствий, витавших над классом.

«Ох, только не снова. Как же я это ненавижу», — горестно вздохнув, подумала Лина.

Школа не всегда была для нее теплым уютным местечком, где воспитывают детей, прежде всего из-за событий, имевших место десять лет назад. Похищенные аристократами ребята вернулись после того, как с ними сотворили что-то ужасное, — в деревне Фронтيرا одно это уже служило веским поводом для изгнания. Унижения, которым подвергли Лину за недели проверок, оставили глубокие раны на ее душе — раны, саднящие до сих пор. Напряжение убило ее родителей, одного за другим, но, даже когда мэр удочерил девочку, ей еще два года не позволялось играть с другими детьми. И все это время, вне зависимости от того, куда она шла и что делала, к ней всегда был прикован испытующий взгляд главы городка или кого-то из Комитета бдительности.

«Клянусь, они все знают, что происходит между мэром и мной».

Лине хотелось разреветься как маленькой.

Людам, наверное, не было известно о том, как он силой овладел ею в тот день, когда девушке исполнилось семнадцать, но молва об аморальной связи старика и его приемной дочери вовсю гуляла по деревне.

Впрочем, обстановка Фронтيرا допускала самые неожиданные взаимоотношения. Селения, частенько отрезанные от внешнего мира дождем или снегом, нуждались в гарантированной рабочей силе — и это была основная забота жителей. Посему если не преследовалось исключительно плотское удовольствие, любые отношения — между мужчиной и чужой женой, матерью и ее собственным сыном, отцом и дочерью — могли считаться даже полезными как действенный способ посеять семена новой жизни.

В эту эпоху больше не существовало психических дефектов и прочих проблем, традиционно вызываемых кровосмешением. Аристократы решили поделиться с человеческой расой плодами генной инженерии. Наследственные недуги канули в прошлое — люди даже не помнили, как назывались когдатошние тяжелые болезни.

Не что иное, как тень случившегося десять лет назад, тянуло на дно дух Лины, словно грузило из свинца.

Квор так и не оправился, оставшись слабоумным, и факт этот ужасал жителей деревни. С другой стороны, обнаружилась иная крайность — исследования показали, что уровень интеллекта Лины и мистера Мейера поразительно вырос. Вот почему мэр удочерил Лину, и вот почему все одноклассники девушки питали отвращение к ее связи со стариком.

Они ненавидели женщину, ставшую умнее благодаря аристократам.

И все же никто открыто не дразнил Лину и не избегал ее благодаря легкости ее характера, превосходной выдержке и усилиям мистера Мейера, преодолевшего неприязнь горожан и с блеском выдержавшего экзамены выездной комиссии на звание учителя. Невозможно было сказать, сколько сил придавал Лине один только вид друга — слабака и плаксы в детстве, устоявшего перед обидчиками и охраняющего ее.

Даже Квор, взявший в привычку бесцельно слоняться по деревне после безвременной кончины родителей, оберегал Лину. Потеря разума не изменила его природной обходительности и мягкого нрава. Лина прекрасно помнила, как надежно его массивное туловище заслоняло ее от камней, швыряемых детьми-забияками.

Сейчас же рядом не было ни одного из них: Квор находился под опекой Ферна. Однако исчезновения мистера Мейера оказалось достаточно, чтобы девушка заслужила злые, подозрительные взгляды всего класса.

— Что ж, Лина, вот и всплыла наконец истинная причина, почему тебя выбрали для поездки в Столицу, — громко, чтобы все слышали, сказала Виска, главный враг юной красавицы. — Уж не знаю, что там происходило в замке, но мы больше не будем жить в страхе, как последние десять лет. Чуть только ты уберешься, все вокруг вновь станет тихим и мирным.

— Ха, но какой ад воцарится в Столице! — саркастически рассмеялся один из членов клики Виски.

«Ох, вот оно. Теперь мне нужно кому-то отвесить пощечину», — подумала Лина, одновременно прикидывая, не использовать ли ей для защиты свои кожаные тапочки как оружие. Но девушка сдержалась, поскольку знала, что ехидные замечания отражают настроение всего класса. Остальные ребята молчали, потому что пока еще считали ее «своею».

Нельзя отрицать, что класс чрезвычайно отдалился от нее, когда было решено, что в Столицу отправится Лина. Ведь в то время как одни полагали, что главное в этом деле — покинуть Фронтир, другие никак не могли смириться с тем, что личностью, представляющей их деревню, оказалась особа, связанная с аристократами.

«Ладно, пусть болтают, что хотят».

Виска уже собиралась ляпнуть еще что-то, но тут вошел учитель, посланный на замену мистера Мейера, и утренние бедствия Лины закончились.

Вяло проползли часы математики и физики, а когда школа приступила к третьему уроку, неожиданно взревела сирена.

— Эй, что такое?

— Три гудка подряд — это значит всем собраться на площади!

— Может, аристократа захватили живьем?

— Дурак!

— Тихо! — приказал учитель. — Мне нужно выйти. Со мной отправится представитель класса. У остальных — свободный час.

Впрочем, ученикам было не до него — и не до учебы.

Когда преподаватель ушел, прихватив с собой Каллиса, все принялись суетливо собираться — на площадь, конечно же. Кто-то начал рыться в шкафчиках, набитых оружием, припасенным на случай нападения монстров, кто-то наперегонки собирал коробки для завтраков — в общем, воцарился всеобщий гвалт, но спустя секунду-другую учащиеся буквально испарились, лишь окна и двери в опустевшем классе все еще потряхивало.

Лина видела, как сверкали от предвкушения глаза Марко, скромнейшего из мальчишек, и ей хотелось рассмеяться. На Фронтире, страдающем от недостатка развлечений, кошмарные твари, бродившие неподалеку, скорее возбуждали, чем пугали ребятню, — по крайней мере пока они не причиняли непосредственного вреда деревне. Если не считать бегемотов-исполинов, птиц Рух и прочих колоссальных легендарных чудовищ, защитные механизмы охраняли селение от большинства будничных монстров.

По улице торопливо шагали взрослые, но при виде Лины и ее одноклассников никто ничего не сказал.

Площадь располагалась практически в самом центре деревни. Даже если бы здесь собралось все местное население — около тысячи жителей, от двадцатилетнего деда Шакры до крохотного младенца, родившегося месяца четыре назад, — они без труда расположились бы тут, да еще немало места осталось бы. Площадь годилась для проведения любых широкомасштабных мероприятий, будь то деревенский праздник, или ярмарка, устроенная бродячими торговцами, или еще что-нибудь.

Когда ученики, расплескивая грязь сапогами, явились сюда, на деревянном помосте, вытасенном на площадь, как раз было готово начаться некое странное представление.

Там, кроме главы Комитета бдительности Ферна с кичливо выпяченной грудью, стояла электрифицированная клетка третьего типа — железный ящик, по решеткам которого был пущен ток высокого напряжения; в такую обычно помещали сверхъестественных тварей или диких птиц размером с человека. Сама по себе клетка не представляла ничего необычного, но при виде тех, кто сидел внутри, глаза невольно распахивались от удивления.

Там сидел человек. Однако в пучину ужаса зрителей ввергали не его внушительное телосложение и не разбойничья внешность, а пара клыков, торчащих из-под сальных губ.

Вампир, бодрствующий днем.

Их предводитель? Эта мысль колотилась в умах всех и каждого. Перед рассветом дождь утих, и одеяло серых туч, накрывшее небо, наконец разорвалось. Дневной свет окутывал мягким перламутровым сиянием все предметы, но не мог разогнать черный, ночной страх, наполнивший площадь. Протолкнувшись на помост сквозь кучку старейшин, устроившихся перед сценой, мэр вскарабкался вверх по складной лестнице и встал рядом с Ферном. Он демонстративно не обращал внимания на мужчину в клетке, что сверлил старика неотрывным злобным взглядом.

— Добрые люди Тепеша... — начал он куда громче, чем было необходимо, и прервался, чтобы взять беспроводной микрофон, который только что заметил на полу.

Никто из слушателей даже не хихикнул. Попал за решетку аристократ или же это была одна из его жертв, селяне взирали сейчас на кошмарное существо, которое просто не имело права существовать, — на вампира, способного свободно передвигаться под солнцем. Серьезность ситуации глубоко потрясла всех.

— Добрые люди Тепеша... — Усиленный ультракомпактными динамиками, развешанными по периметру площади, голос мэра наконец проник в уши собравшихся. — Как вам известно, в последнем столкновении с аристократами погибло четверо наших односельчан, и я отяготил и без того скудную казну деревни, наняв даже не одного, но целых двух охотников на вампиров. И все это оказалось напрасным. Однако, кажется, они нам больше не понадобятся. Поясняю — сегодня утром присутствующий здесь Ферн изловил на северной дороге эту тварь. Нашему предводителю Комитета бдительности есть чем гордиться: захватить вампира живьем — дело неслыханное не только на Фронтире!

Несколько натянутые комплименты мэра слегка образумили селян, зачарованных видом вампира, то и дело зыркающего по сторонам налитыми кровью глазами. Аудитория наградила оратора жиденькими аплодисментами. Естественно, никто из жителей Тепеша не уловил черного юмора ситуации.

Потом микрофон взял Ферн и поведал, как он, объезжая периметр деревни, столкнулся в лесу с человеком, который набросился на него, не дав и слова сказать. С помощью своих скотостражей Ферну удалось захватить нападавшего живьем.

Всем селянам была не понаслышке известна мощь скотостражей, но до сих пор эти создания считались бесполезными в борьбе с аристократами и даже с их жертвами. Однако доказательство противного как раз сидело в клетке — на всеобщем обозрении, и, едва глава Комитета бдительности завершил рассказ, толпа разразилась овацией.

— Здóрово, Лина. Теперь ты вне подозрений.

Повернувшись на звук ободряющего голоса, Лина отпрянула. Ей улыбался Каллис, представитель класса. Прирожденный лидер и превосходный организатор, он был неглуп и весьма привлекателен. Но Лину коробил холодок, таящийся, точно тень, за этой ослепительной улыбкой, и она редко общалась с Каллисом. Парень же привык к вниманию других деревенских девочек и считал попытки поухлестывать за Линой пустой тратой времени.

— В смысле? Ты что, беспокоился обо мне?

— Ну конечно. Как-никак, мы одноклассники, верно?

От его медово-вкрадчивого тона Лину чуть не стошнило.

«Неужели этот зануда настолько туп? Гляди-ка, бочком, бочком, а подбирается все ближе».

— Эй, кажется, мэр собирается толкнуть еще одну речь! — воскликнула Лина и ущипнула ладонь, собравшуюся накрыть ее руку.

— Почти наверняка злодей, заключенный в эту самую клетку, и есть причина наших недавних бед. Предлагаю расправиться с ним немедленно и помолиться о том, чтобы это было не напрасно и принесло нам мир. Что скажете?

Уже убедившие себя, что истинный источник их ужаса схвачен, селяне бешено захлопали и одобрительно заорали. В деревнях Фронтира не так уж и редко приносили в жертву животных, прося у богов обильного урожая или спокойного года.

— Какой ужас! — Лина еще не осознала значения слов, сорвавшихся с ее губ, но сердце ее споткнулось, когда девушка увидела потрясенное лицо повернувшегося к ней Каллиса.

Впервые она поняла свои чувства: «Неужели мне жалко вампира?!»

Внезапно от железных решеток клетки полетели фиолетовые искры, и пленник с криком отпрянул от прутьев.

— Ладно, Ферн, кончай его.

Поклонившись торжественно кивнувшему мэру, Ферн выступил вперед. Деревянные колья, которые он держал в обеих руках, больше походили на копыя. Остальные члены Комитета бдительности окружили сцену.

Вампир в клетке вроде бы испугался, попятился — и заработал очередной удар током. Различив на свирепом лице врага тревогу и страх, толпа насмешливо заулюлюкала.

— Ну как, понравилось? Давай-ка еще разочек!

— Ха-ха, он, кажется, сейчас разревется! Ну и аристократ!

— Ферн, не убивай его сразу. Коли помедленнее, помедленнее!

Словно согласившись с собравшимися, глава Комитета бдительности помахал публике рукой. Опьяненные грядущим смертоубийством, жители Тепеша не заметили, что губы их односельчанина краснее обычного, да и улыбка его какая-то зловещая. Никто не усомнился в утверждении, что этот вампир — настоящий аристократ и что именно он — причина всех горестей деревни.

Ферн сделал выпад копьем.

Вампир увернулся, но вновь наткнулся на решетку, так что правая рука его заискрилась, и кол вонзился в незащищенную спину, выйдя из правого плеча.

Площадь затряслась от радостных воплей.

Ухмыляющийся Ферн снова занес копьё.

И тут Лина, отиравшаяся едва ли не позади всех, рванулась вперед. Расталкивая людей, расплескивая грязь и крича: «Стой!» — она наконец добралась до сцены.

— Какого черта ты затеяла, Лина? Не лезь не в свое дело!

Девушка и ухом не повела на окрик мэра. Ее так и трясло — Лина всем своим существом противилась происходящему.

— Это тебе лучше никуда не лезть, господин мэр! Поверить не могу, что ты способен на такую жестокость! Это же человек!

— Я тебе не «господин мэр»! — рявкнул старик. Не ветер растрепал его седые волосы, но ярость. — Я твой отец! Почему ты не зовешь меня так? Убирайся отсюда, дуреха! Взбучку я задам тебе позже!

— Нет, нет и нет! — ответила Лина, непокорно откинув голову. «Нет, я не могу просто стоять и смотреть, как кого-то режут — животное, вампира или человека. Почему меня захлестывают такие чувства?» Девушка продолжила: — Сам посуди, разве это не чудовищно? Если ты настоящий мужчина, тебе должно быть стыдно: пытаться и мучить безоружного пленника,

запертого в клетке!

Удержав мэра, готового лопнуть от злости, Ферн подошел к краю помоста и нагнулся. Сунув под нос Лине окровавленный кол, он заявил:

— Понятно. Значит, по твоим словам, надо было предварительно снабдить эту тварь оружием, верно? Отлично. Так почему бы нам не предоставить эту честь тебе, маленькая пустомеля? Ты вроде бы обучалась фехтованию на мечах и копьях, а?

На Фронтире, где жизнь и смерть всегда идут бок о бок, все женщины владели навыками обращения с оружием. И хотя мало кто из них умел, подобно мужчинам, управляться с огнестрельным оружием, арбалетами и лазерными ружьями — да в том и не возникало необходимости, — однако короткое копье, легкий меч или хлыст были не в новинку слабому полу.

Чуть только наконечник кола-копья замаячил перед ней, Лина не раздумывая схватила оружие. Злость на мэра, на Ферна, на односельчан, да и на все человечество, коли на то пошло, не позволила семнадцатилетней красавице отступить.

Мэр побледнел, а жители деревни протестующе загалдели.

И в этот миг...

Чарующий хриплый голос пронесся над землей, заставив даже ветер повернуть вспять.

— Вообще-то, это моя работа.

* * *

Лица всех — даже вампира в клетке, казалось забывшего про боль от ран, — повернулись к молодому всаднику в черном. И на каждом лице было написано удивление. В обрамлении солнечных лучей, прорывающихся в бреши между тучами, возвышался на лошади писанный красавец, взиравший на толпу сверху вниз, — красавец, каких редко видит свет.

Взгляды мужчин падали на него — и мужчин сжигала зависть; падали на него взгляды женщин — и женщины становились рабами желания. Однако страсть овладела людьми на короткий миг, почти сразу толпу охватил невыразимый ужас, таившийся до поры в самых темных глубинах сознания, — ужас, вызванный зловещей аурой, свойственной аристократам.

Толпа раздалась, и Ди, не задержавшись ни на миг, оказался у сцены.

Легко отобрав копье у вцепившихся в деревяшку Ферна и Лины, охотник поинтересовался:

— Ну и что мы тут делаем?

— Ох, — голос Ди растопил оцепенение Ферна, — не знаю, где тебя носило до сих пор, но приятно убедиться, что ты по крайней мере не смылся, поджав хвост. Что ж, отлично. Не важно, как ты прирежешь его, пришла пора тебе наконец заняться делом. Если ты охотник, то действуй как охотник, покажи, на что способен, прежде чем отправишься восвояси. Правильно, мэр?

Мэр замычал и закашлялся. Пристальный взгляд Ди сверлил его насквозь. Давление Ферна не шло ни в какое сравнение со сверхъестественной аурой, излучаемой дампиром.

— Это, э-э-э... Ну, я вызвал его сюда... И его работа еще не закончена...

— Верно.

В следующую секунду Ди легко спрыгнул с седла на помост. Для того, кто несколько часов назад угодил едва ли не в самый эпицентр сильнейшего взрыва, он демонстрировал замечательнейшие регенеративные способности, но за выносливость, по крайней мере отчасти, приходилось благодарить существо, обитавшее в его левой ладони.

Не обращая внимания на восторженный взгляд Лины, охотник подошел к Ферну и выключил напряжение электроклетки, открыв заодно и замок.

— Не выпускай его! — крикнул кто-то, вроде бы шериф, но, увидев, что дверь «тюрьмы» медленно отворяется, доселе парализованная толпа охнула и попятилась.

Позади Ди раздался грохот — это улепетывающий мэр кубарем скатился с лестницы.

Ди сунул грубое деревянное копьё вампиру, вяло выскользнувшему из клетки.

— Странная встреча, но такова наша судьба, охотника и преследуемого. Давай. — Рука Ди даже не потянулась к возвышающейся над плечом рукояти меча.

Вампир медленно двинулся вправо. Потеряв возможность действовать правой рукой, он держал оружие одним скрюченным пальцем левой, закипая на огне убийственной ярости.

Внезапно копьё взлетело, превратившись в размытую полосу. Лина увидела, как кол вонзился точнехонько в грудь Ди, и вскрикнула так, что у нее перехватило дыхание. Тем временем вампир подскочил к Ферну и вырвал у него из-за пояса пистолет. Жерло оружия толщиной с большой палец взрослого мужика уставилось в небо, взметнувшись со скоростью, недоступной взгляду.

Ди завис в воздухе. Девушка стала свидетельницей «гибели» остаточного изображения — сам же охотник стремительно взмыл ввысь.

Вместе с невероятным грохотом сверхмощный пистоль выплюнул поток железных гвоздей, устремившихся к сердцу Ди.

И тут же мелодично зазвенели серебряные бубенцы, выводя прекраснейшую в мире мелодию, — это убийственная кавалькада отклонилась от курса.

Вампир даже не успел осознать, что его выстрел был парирован мечом охотника, как его рука, сжимающая пистоль, уже была отрублена по самую кисть, а второй удар клинка проник в самые черные глубины злодейского сердца.

Не удостоив взглядом рухнувшее в облаке кровавых брызг массивное тело, Ди шагнул к оцепеневшему Ферну.

Увидев, что окровавленный клинок, нацеленный сейчас на горло Ферна, охотник сжимает левой рукой, Лина нахмурилась. Она так и не поняла, что Ди, приняв во внимание раны своего противника, сражался только одной левой.

— Ты получил, что хотел. В следующий раз ты будешь делать то, что скажу я.

Голос Ди был тих, но чувствовалось, что возражений дам пир не потерпит. Бледный как

полотно Ферн мелко затряс головой. В этот момент Ди выбросил вперед левую ладонь.

Глаза Ферна, увидевшего начертанный на коже охотника красный крест, широко распахнулись. На несколько секунд все вокруг застыло, лишь ветер, переполненный жаждой крови, яростно хлестал площадь.

Потом рука Ди опустилась, и Ферн облегченно выдохнул. Казалось, не случилось ничего необычного.

Толпа снова заволновалась.

— Итак, что вы собираетесь предпринять? — обратился со сцены к мэру Ди, одним взмахом очистив меч от крови и молниеносно вернув его в ножны. Он, должно быть, хотел спросить, что власти намерены предпринять дальше.

Взъерошенный, трясущийся, то и дело потирающий огромную шишку на лбу мэр пробурчал:

— Я помню, что сказал минуту назад... Но, мм... полагаю, мы уже завершили то, что должны были сделать. Нет нужды говорить, что тебе выплатят сумму, о которой мы договаривались. Хорошая работа.

— Отлично, — невозмутимо кивнул Ди. — Но я пока еще не могу покинуть деревню.

— Что?!

— Тут есть кое-что, на что мне надо взглянуть. Или вы по какой-то причине желаете моего ухода?

На этот раз вздрогнул шериф, ибо прекрасный лик был обращен прямо к нему.

— В данный момент... нет, — с большим трудом выдавил он. — Но если ты причинишь нам какие-либо неудобства, нам придется выставить тебя из города.

— Согласен. Но скажу вам одну вещь: если этот мужчина — виновник всех ваших бед, то женщина-жертва сейчас должна прийти в себя. Предлагаю проверить.

Однако когда мэр со товарищи прибыли к амбару, они нашли укушенную вампиром женщину пригвожденной к постели грубым деревянным колом, вбитым ей в грудь; земляной пол буквально пропитался кровью, капающей с рукавов ее некогда белого, теперь же ставшего алым платья.

— Кто мог это сделать? — простонал мэр, возведя очи к небесам.

— Не знаю, кто именно, но кто-то из наших явно перестраховался. Возможно, при ее виде у сельчан мурашки и бегали по спинам, но необходимости поступать с женщиной именно так не было. — С этими словами Ферн посмотрел на Ди. — Откуда нам знать, что это не ты? Если за всем этим не стоял тот парень, значит, у тебя есть шанс заработать еще денег...

Но колкость застряла у Ферна в горле. Оторвав взгляд от главы Комитета бдительности, Ди пошел прочь, прихватив седло и переметные сумки.

— Эй, погоди! Куда это ты собрался? — засуетился мэр.

— Ты подозреваешься в этом убийстве. Мы не можем позволить тебе покинуть Тепеш, когда ты

того пожелаешь. В конце концов, ты до утра сидел здесь с женщиной. — В голосе шерифа прозвучало раздражение.

Ди молча выставил указательный палец.

Взгляды мэра и шерифа последовали в заданном направлении и снова вернулись к охотнику.

— Значит, вот куда? — пробормотал блюститель закона. — К заброшенной водяной мельнице на окраине деревни?

— Если понадобится, я буду там. За вознаграждением я вернусь позже.

Ошеломленным мужчинам осталось лишь наблюдать, как стремительно удаляется от них гордый всадник.

* * *

Когда занятия окончились и Лина направилась к своей повозке, оказалось, что у школьных ворот ее поджидает Каллис. Случай редкий, возможно, уникальный.

Она проехала мимо, но парень бросился следом.

— Пожалуйста, Лина, подожди. Я тут подумал, а не проводить ли тебя домой.

— Что это на тебя нашло? Вдруг вспыхнул ко мне нежной дружбой? Тина, Мирия и прочие твои куколки будут не слишком счастливы.

— Ох, перестань. Они интересовали меня лишь с одной стороны!

И бесцеремонный нахал, вскочив на подножку, быстро уселся в повозку — этот оптимистичный Ромео даже собрался перехватить поводья. Лина шлепнула его по руке и скорчила неодобрительную гримаску.

— Не валяй дурака. И почему бы тебе просто не спрыгнуть?

— У, какая ты колючая. А я ждал, потому что хотел поговорить с тобой. Свернем к лесу?

— Ради богов, что нам там делать? Ты только что хватал меня за руки — и думать не хочу, на что бы ты решился, будь мы наедине. Предупреждаю, если тронешь меня хоть пальцем — расплющу!

Хмуро зыркнув на парня, дабы упрочить угрозу, Лина осеклась. Из нагрудного кармана Каллиса торчало что-то белое.

Цветок.

«Такой же, какой я нашла утром под окном... Не может быть».

— Ах, это? Я сорвал его для тебя. Вот. — Остроглазый повеса прочел лицо Лины, как открытую книгу, и сделал первый ход.

Девушка не сказала ни слова.

Смелая красавица была слишком добра, чтобы назвать ухажера лжецом. Цветок скользнул в ее

бледную ладонь.

— Заедем в лес как-нибудь в другой раз, — прошептал Каллис.

Десятью минутами позже он наблюдал, как тележка исчезает в воротах дома мэра, и в глазах юноши сверкали хитрость и самоуверенность, совершенно не вяжущиеся со столь младыми годами.

* * *

Дома Лину ожидал гнев мэра.

Чуть только она прикрыла дверь своей комнаты, та снова распахнулась. Зазвенела оплеуха, и от удара девушка упала на пол.

— Ты чего? Больно же! — Предполагая, что произойдет дальше, Лина пока что сохраняла присутствие духа.

Мэр был в ярости:

— Ты... ты глупая девчонка. Поставила меня в неловкое положение перед всеми. Заступилась за аристократа... за проклятого вампира. Ты маленькая...

Лина высунула язычок, и безобразная физиономия старика побагровела.

— Аристократ он или нет, что плохого в том, что я помешала убить запертого в клетку пленника, точно дикого зверя? Да есть ли у вас вообще хоть какое-то доказательство, что он был аристократом? По мне, он банальная жертва, а значит, стал таким не по своей воле. Если бы аристократы сделали меня одной из них, я бы чертовски противилась подобной бесславной кончине. А если я не хочу, чтобы так поступили со мной, не позволю так поступать и с другими. Ну как, теперь запрешь меня в клетку и прикажешь Ферну заколоть меня, а?

Мэр выпучил глаза, его адамово яблоко дернулось, но старик не издал ни звука.

Однако, высказавшись, Лина тут же усомнилась в собственной правоте.

«А действительно, почему бы не засунуть аристократа за решетку и не замучить до смерти?»

Еще до рождения Лины деревню терроризировала группа вампиров, успевшая погубить почти двадцать человек, прежде чем со злодеями было покончено. Воистину трагическим было зрелище, когда отцы вгоняли осиновый кол в сердце собственным дочерям, а мужья закалывали своих жен. Истории, рассказываемые впоследствии детям с кровавыми слезами на глазах, научили ребят смертельно ненавидеть знать. Аристократы были для них свирепыми животными, которых надо уничтожать, — и жестокая жизнь Фронтира лишь подпитывала эти чувства. Так что если кому-то случайно удасться захватить вампира живьем, любой счел бы естественным поступить с ним так, как с недавним пленником в клетке.

— Ты, ты... дрянь! Значит, ты на стороне аристократов, да? Неблагодарная паршивка! Нет, ты никуда отсюда не уедешь! Черт возьми, ни за что!

Сейчас мэр походил на сумасшедшего.

— Почему это я неблагодарная? — рявкнула в ответ Лина. — Ты удочерил меня только потому, что знал, что я умна, и хотел отправить меня в Столицу, разве не так? Ты предвкушал

вознаграждение, которое получит деревня. И это еще не все! Ты добился, чего хотел, верно? Кто даже сейчас каждую ночь приходит в мою комнату?! Аристократы и те не ведут себя как грязные скоты. От твоих мерзких прикосновений меня просто трясет!

В комнате повисла тишина. Лина с некоторой тревогой наблюдала, как стремительно бледнеет старик.

— Значит, вот как? Считаешь мои прикосновения невыносимыми? Хорошо. Тогда я прикоснусь к тебе этим!

В правой руке мэра неведомо как оказался черный хлыст. Слюна сочилась из уголков рта деревенского главы, а безумные глаза смеялись. Перемена была разительной, словно нечто темное, скрывавшееся до поры внутри мужчины, внезапно вырвалось на поверхность.

Не успела Лина повернуться, чтобы броситься к окну, как мэр схватил ее за воротник рубахи. Громко затрещала рвущаяся ткань.

— Перестань! Ты что, совсем спятил, старый осел?

Раздался резкий щелчок — и протестующий вопль девушки сменился криком боли. Лина упала, и на ее спине принялись расцветать сине-черные рубцы. С каждым взмахом хлыста число их множилось.

Прикусив язык и с трудом проглотив рвущийся из горла вой, Лина терпеливо сносила побои.

Она решила, что не позволит взять над нею верх.

Она пыталась думать о белом цветке, и вот лицо ее вновь стало спокойным.

Тем временем мэр уже отбросил хлыст и взгромоздился на приемную дочку сзади. Темно-красный язык лизнул исполосованную кожу.

— Не смей! — крикнула Лина, извиваясь.

— Вот еще. — Не обращая внимания на молотившие воздух руки девушки, мэр ухватил ее за груди. — Ну что, больно? Пари держу, больно. Но сейчас будет лучше. О, мой язычок сделает тебе очень хорошо.

Шеи Лины коснулось что-то теплое, неприятно-липкое, красавица аж скорчилась от отвращения. Старик же продолжал говорить, наслаждаясь тем, как бьется в его руках молодое жаркое тело.

— Сейчас я, если захочу, могу затрахать тебя до смерти. Или заставить бежать из деревни, это мне тоже раз плюнуть. Но я не стану. Как-никак, ты отправляешься в Столицу ради всех нас. Мистер Мейер исчез, а Ферн взял на себя заботу о Кворе. Остаток дней своих этот полоумный проведет мальчиком на посылках. Но ты особенная. Я не могу избавиться от тебя. С другой стороны, я не могу позволить тебе ускользнуть. Так что я буду развлекаться с тобой вплоть до того дня, когда ты покинешь Тепеш.

Рот мэра припал к основанию шеи Лины. Запретный поступок! Лина невольно взвизгнула. Засосы от поцелуев на шее слишком уж напоминали отметины, оставляемые аристократами, так что даже женатые пары избегали подобных ласк. Жестокосердие старика было сродни жестокости знати.

— Нет, не надо, остановись! Пожалуйста... Ди! — крикнула девушка во весь голос.

Губы старика оторвались от девичьего тела, чтобы с нескрываемой горечью произнести:

— Ох, значит, вот оно как, а? Тебе приглянулся этот юнец? Что ж, его тут нет. Я его уволил и выставил вон. В данный момент он в полном одиночестве обустраивается на старой мельнице. Отличное место для бродяги с кровью аристократа в жилах.

Голова Лины поникла, и мэр попытался завалить девушку на пол, но тут произошло непредвиденное. Красавица резко вскинула голову, и нос старика расплющился в лепешку.

Мэр, заверещав, рухнул как подкошенный, зажимая разбитый нос руками.

Хлынула кровь.

— Сука! Что ты натворила?!

Лина схватила со стола вазу и обрушила ее на лысину старика. Сделанная из ребер огнедышащего дракона, вещь эта была легкой, но вся в острых выступах и наростах. Ваза прошла по голове мэра, и новые потоки крови стали заливать ему глаза. Закричав, тот снова повалился на пол.

Кровь Лины забурлила. Ситуация изменилась кардинально, что не могло не радовать девушку. Она занесла было ногу, чтобы пнуть гада побольнее, но передумала.

Так что энергичный удар достался двери. Комнату Лина покинула с проклятием на устах:

— Пошел ты к черту! Едва ли я вернусь скоро. Надеюсь, раны твои воспалятся и ты сдохнешь в мучениях.

* * *

К мельнице Лина поехала в своей повозке. В последние дни пешеходы на улицах встречались редко, но после убийства вампира люди почувствовали себя в большей безопасности, так что немалое количество обескураженных взглядов проводило ее транспорт.

Девушка прибыла на место меньше чем через двадцать минут, но внутри старой обветшавшей мельницы не нашла ничего и никого, кроме запустения, и не услышала иных звуков, кроме скрипа водяного колеса и басовитого храпа электромотора. Вещи Ди отсутствовали.

Может, он уже распрощался с городом?

Тоска и тревога лишили Лину присутствия духа. Холодок, которого она не чувствовала, покидая дом, добрался до сердца. Подняв глаза, девушка увидела все еще темное небо.

Мир кишел страхом.

Лина вышла из хибары.

Ветер свистел над ее головой, и, хотя он уже должен был нести на своих крыльях весну, поток воздуха был невообразимо ледяным. Мороз забился за ворот и в рукава кожаного плаща, жала спину.

— Проклятие. Сплошное невезение. Неужели придется ехать домой? Нет, очередные побои —

это совсем не весело. Что же делать, что делать?..

Решив побродить немного и поразмыслить, Лина вернулась к повозке и достала из грузового отсека пистолет-лучевик — на всякий случай, для самозащиты.

Впрочем, смерть вампира успокоила даже Лину. Она не знала, что женщина-жертва была убита, и не имела оснований сомневаться в том, что пленник из клетки — виновник всех бед деревни.

Девушка отошла от мельницы довольно далеко, так что уже не видела здания, когда ветер окликнул ее по имени.

Лина оглянулась, но вокруг, похоже, никого не было.

Только свежая травка шелестела на ветру. Покрепче стиснув оружие, юная красавица возобновила прогулку, но не успела сделать и десяти шагов, как услышала снова:

Лина.

На этот раз ошибки быть не могло.

— Кто ты и где ты? — крикнула она, обернувшись, и ветер ответил:

Лина, Лина, Лина.

— Ну же, ты где? Выходи! Seriously, буду стрелять!

Девушка не уловила противоречия в собственной фразе — она была объята страхом.

Пробудись, Лина, — произнес ветер.

Этот голос она уже слышала прежде. Лина принялась лихорадочно рыться в памяти.

Все еще не понимаешь, да, Лина? Пробудись. Ты должна пробудиться.

Ветер танцевал вокруг нее, смеялся под ногами, нашептывал в ухо, завывал над головой.

Лина, Лина, Лина.

— Ты начинаешь меня бесить, таинственная зараза!

Девушка вскинула пистолет, хотя не видела цели, но особенно сильный порыв ветра ударил ее в лицо. Лина потеряла равновесие. Утратив опору, она внезапно провалилась в пустоту. Не встретив при падении ни малейшего препятствия, Лина упала в яму, до краев заполненную ночным мраком, больно ударившись о дно.

Посмотрев вверх, девушка увидела футах в семи над головой круглое отверстие, к которому тянулись глинистые отвесные стены колодца. Предположив, что выбраться ей все-таки так или иначе удастся, Лина облегченно вздохнула.

— Лина, — позвал голос. Мужской голос, на этот раз приблизившийся почти вплотную.

Девушка напряженно всматривалась во тьму, и вдруг ее охватило удивление.

Она разглядела невероятно просторные подземные покои. Стены тонули во мраке, но свет, проникавший в дыру над головой, давал представление о истинных размерах огромного помещения.

На границе сумрака и света стояла серая фигура — источник голоса.

— Черт, больно... — Лина поднялась, прижимая руку к бедру. Отчаянно пытаюсь казаться спокойной, девушка выдавила: — Ты — тот самый позавчерашним тип. Парень, которого поймали сегодня утром, кто-то другой, я знаю. Значит, полагаю, теперь пришел мой черед? Если приблизишься, я буду стрелять!

Девушка наставила на незнакомца серебристый ствол, но посланца сумерек это ничуть не встревожило. Низкий глухой голос спросил:

— Ты не понимаешь? Увидев это место, ты ничего не вспомнила?

— Да что с тобой? Ты повторяешь одно и то же снова и снова! — разозлилась Лина. — Я свалилась в эту треклятую дыру впервые в жизни. С чего бы мне вспоминать что-то? Так что кончай болтать и руки вверх! Стрелять буду!

Сумеречная фигура согласно подняла руку, но не успела девушка одобрить подобную демонстрацию послушания, как ладонь чужака описала широкую дугу.

— Взгляни получше. На это место. На эту лабораторию. Вспомни. Вспомни, что случилось десять лет назад.

Теперь Лина заметила, что сцена перед ней являла собой интерьер некой странной комнаты. Время потрудились на славу, засыпав вымощенный каменными плитами пол горами булыжников, однако перевернутые столы и неподвижные силуэты неких гигантских механизмов, маячившие во тьме, свидетельствовали о том, что серый человек говорил правду.

Лаборатория.

Однако было во всем этом что-то непонятное и тревожащее.

Лина стояла на грязном дне глубокой ямы, но граница между дырой и подземным помещением казалась до ужаса расплывчатой.

Комната вроде бы находилась совсем близко, стоит только руку протянуть, но на самом деле была абсурдно далекой — по крайней мере у девушки создалось именно такое впечатление.

Однако потрясло Лину не только это. Сумеречный незнакомец, лицо которого показывал экран компьютера Ди, злобный тип, которого девушка никогда раньше не встречала — она была в этом абсолютно уверена! — знал все, что произошло десять лет назад.

— Неужели не помнишь, Лина? Что ж, ладно, а как насчет этого?

Не обращая внимания на изумление девушки, тень взмахнула рукой.

Зыбь подернула глубины сумрака, являя поистине жутких тварей.

— Ну что, Лина?

— Я... не знаю. Что это? Нет... не подходите... — Голос девушки сорвался.словно острейший

скальпель разъял ее мозг, в котором то и дело оживали обжигающие вспышки памяти.

«Правильно, это здесь... Здесь они...»

Видение вдруг исчезло.

— Не понимаю. Не приближайся ко мне!

Страх и облегчение зазвенели в молодом голосе. Меж тем руки девушки жили своей жизнью, ощупывая пистолет-лучевик — и вот со вздохом, какой издает высвободившийся газ, находившийся под высоким давлением, из него вылетела крохотная вольфрамовая игла и вонзилась в сердце сумеречной фигуры.

Незнакомец лишь улыбнулся.

Кошмарные создания тем временем придвинулись ближе.

Зрачки Лины расширились, как у человека, заглянувшего в пропасть и увидевшего то, что не предназначалось ничьим глазам на земле.

Страшные крадущиеся твари звали ее по имени...

Лина, Лина, Лина, — повторяли они.

Сверкнула молния. И еще одна. Свет проник в затуманенное сознание девушки.

«Все эти люди...»

Внезапно серый незнакомец посмотрел вверх.

Твари заволновались.

Возникла проблема. Ничего, Лина, мы еще встретимся, — произнесла истончающаяся тень.

Страх, совершенно непохожий на тот, что девушка ощутила прежде, навалился на Лину. Уронив лучевик, она кинулась к стене колодца и, не оглядываясь, начала карабкаться вверх. Красавицу не оставляла уверенность, что, как только она выберется на свет, жуткое видение исчезнет.

Лес ждал ее.

Наконец Лина выбралась из небольшого отверстия, всего-то полтора фута диаметром, которое окружала густая высокая трава, — даже самый пристальный взгляд едва ли отыскал бы тут дыру.

Девушка поспешно стряхнула грязь с одежды, глубоко вздохнула и направилась обратно к дороге. Пройдя футов сорок-пятьдесят, она услышала приближающийся стук копыт.

Не об этой ли проблеме говорил серый человек? Если так, то сумеречная фигура уловила звук на расстоянии нескольких сотен ярдов, да еще и сквозь толщу земли.

Шагнув на обочину, Лина повернулась — и щеки ее вспыхнули радостным румянцем.

— Ди!

Немыслимо красивый всадник взирал на нее сверху вниз с высоты лошадиного роста.

— Что ты тут делаешь? Что привело тебя сюда?

Лина замешкалась на миг, но потом быстро выпалила:

— Ну... на самом деле я ищу тебя. Слушай, не откажи в любезности — приюти меня сегодня вечером, а?

Вопрошающий взгляд Ди был ей ответом.

Лина пояснила, что сбежала из дому, поссорившись с мэром. Не заинтересовавшись ни причиной размолвки, ни пикантными подробностями ссоры, Ди молча протянул девушке руку и помог ей взобраться в седло, позади себя. Но прежде чем лошадь сделала шаг, девушка промямлила:

— Э-э-э... мм...

— Что?

— А ничего, если я обниму тебя за талию?

— Ты же упадешь, если не сделаешь этого, не так ли?

— Угу.

Щека девушки прижалась к широкой и твердой спине мужчины. Лина слышала, что тела дампиров куда холоднее человеческих, но в случае с Ди это не соответствовало действительности.

Он был теплым.

Нежданно-негаданно из девичьих глаз брызнули слезы.

— Ты плачешь? — спросил Ди.

Таким же тоном он мог бы осведомиться, как проехать куда-нибудь.

— А если да, то что? На каждого порой накатывает. Не приставай ко мне.

Лина и не подозревала, что для дампира задать кому-то личный вопрос было до настоящего времени абсолютно немыслимым делом.

Охотник замолчал.

— Скажи, Ди... ты скачешь со стороны развалин. Ты снова ездил туда?

— Да. Искал другой вход.

— Другой? А что с обычным?

— Его завалило. Этим путем больше не пройдешь. — Он тряхнул головой. — Можешь забыть обо всей этой ерунде. Разве тебе не надо учиться?

— Зануда. — Лина боднула Ди в плечо. — С моим-то умом я не собираюсь доучивать что-то в

последний день.

— А, верно. Ты же девушка-гений.

— Точно, я такая.

Они уже прискакали к мельнице и, перейдя по мостику вольно разлившийся ручей, вошли в хибару. Близился вечер, и ветер нес прохладу, только в его дыхании уже не чувствовалось зимней колкости.

Лина озадаченно пялилась в спину охотника, и он спросил, не оборачиваясь:

— Удивляешься, что я пересек текущую воду?

— Э-э-э... угу. Как-никак, ты дампир, верно? Ох, наверное, не стоило упоминать об этом.

— Не сомневайся, вода создает мне трудности. Аристократы, как известно, могут утонуть, погрузившись в реку всего лишь по пояс.

— Интересно, почему? Биология знати так загадочна.

Вопросы девушки противоречили ее невинному голосу и наивной внешности. Эта тема серьезно интриговала и занимала красавицу.

Не ответив, Ди бросил в пыльный угол лачуги седло и сумки, снятые с лошади, а затем достал из кармана черный сверток размером с ладонь. Но стоило ему потянуть за торчащую из свертка веревочку, как тот быстро расправился, превратившись в весьма уютный на вид спальный мешок.

— Тебе лучше спать здесь. В мешке встроенный обогреватель. Проведешь ночь спокойно и не простудишься.

— А как же ты?

— Я отдохну снаружи. Припаду к земле — это больше соответствует моей природе. Не думай об этом... Я никогда раньше не пользовался спальником.

— Но... — Девушке много чего хотелось сказать еще, но она заметила, что внимание Ди сосредоточено на чем-то вне дома.

— Кажется, это за тобой, — заметил охотник.

— Вот еще! Я отсюда ни ногой.

Вскоре на том берегу ручья показалось с дюжину всадников. Среди них были мэр, шериф, а также члены Комитета бдительности во главе с Ферном. Все они выглядели до предела напряженными — и немудрено, ведь мужчин терзали мысли о том, что им предстоит сделать и кто может встать у них на пути. А предполагаемый противник уже выступил из хибары.

Голубой блеск медальона на груди Ди заставил людей поежиться. Возможно, лошади тоже что-то почувствовали, поскольку ржали непрерывно, ну а всадников била мелкая дрожь.

— Что вам нужно? — тихо спросил Ди.

Мягкий голос его легко рассеялся по округе, но все лошади разом замерли. Поняли ли седоки, что животные застыли от страха?

— Будто ты не знаешь! — фыркнул мэр, ткнув пальцем в сторону одного из окон развалюхи. — Мы здесь, чтобы забрать Лину домой. Не пытайся спрятать ее. Если не выдашь девчонку немедленно, мы заставим тебя пожалеть о твоём упрямстве.

— Меня ваши разборки не касаются, да и не знаю я, что сама девица скажет по этому поводу.

Внезапно деревянные ставни распахнулись и в окне возникла головка Лины. Девушка отлично подготовилась — перед публикой она предстала уже с высунутым языком.

— Фиг тебе! Я не такая дура, чтобы вернуться! Лучше побуду тут немного. Попрактикуюсь в выживании в глуши. Убирался бы ты подобру-поздорову, папаша. О, а ты в курсе, что физиономию твою малость разнесло вширь?

Для последней фразы она припасла особо ядовитое ехидство. Рыхлое опухшее лицо мэра казалось впятеро багровее его ран. Метнув взгляд на шерифа, старик рывкнул:

— Ну и что ты молчишь? Отец пытается вернуть дочь, верно? Так что мы заберем ее силой, если потребуется, так?

— Ну... — нехотя промямлил шериф. Остальные мужчины опустили глаза. Все они были свидетелями фехтовального искусства Ди. — Если она говорит, что не хочет идти, мы ничего поделать не можем. К тому же, кажется, твои родительские права в отношении Лины исчерпали себя уже года два назад.

Другими словами, в большинстве сообществ Фронттира личность, достигшая пятнадцатилетнего возраста, сама отвечала за свои поступки.

Окружающая обстановка требовала независимости.

— Ах ты никчемный мешок с дерьмом! Значит, будешь стоять в сторонке, а этот бродяга-полукровка тем временем погубит мою дочь?! Ты отстранен! Чуть только мы вернемся в город, я первым делом соберу совет!

Шериф пожал плечами:

— Ладно, кто же...

— Предоставь это мне, — самоуверенно бросил Ферн, спешиваясь с лошади. Положив руки на крышки своих коробов, он с ленцой двинулся к Ди. — Знаешь, рано или поздно это должно было случиться. — Мужчина явно чувствовал себя в полной безопасности. — По-моему, сейчас даже слишком поздно, так что и не думай предлагать нам забрать девчонку.

Ди не шевельнулся. Он просто стоял, словно молодой поэт, вслушивающийся в песнь ветра.

Кажется, даже журчание ручья стало глуше.

— Осторожнее, Ди. У него в корзинах скотостражи!

Слова Лины лишь добавили ситуации напряжения.

Белые молнии выстрелили из правой руки Ди, и коробы, прицепленные к поясу Ферна,

развалились на части. На землю выпали два существа — кошмарный паук и искрящееся облако. Все лапки паука оказались целы: либо он уже поправился, либо это было другое животное.

Жуткий неразборчивый вопль Ферн подстегнул скотостражей.

Фиолетовый разряд ударил в то место, где только что стоял Ди, обдав стену лачуги искрами; летящие иглы замерли на полпути между охотником и монстром. Дампир, заметивший метнувшиеся к нему белые липкие нити, уже взмыл в воздух с мечом-«бастардом» в правой руке.

— Ох! — воскликнул Ферн.

Он увидел, как клейкая паутина, удерживавшая не только исполинов, но даже зловещего посланца сумерек, распалась на клочки, точно ветхий хлопковый лоскут.

Однако тело Ди, пытавшегося одним махом перепрыгнуть ручей, заметно отклонилось от курса, и в следующий миг он с плеском рухнул в воду, оказавшись в ней по пояс.

Видел ли кто-нибудь выскользнувшее из ручья и, точно хлыст, обвившееся вокруг лодыжки охотника щупальце?

И не одно — еще несколько скользких плетей крепко стиснули запястья Ди. Тут же прямо перед ним всплыло нечто, напоминавшее полосатый черепаший панцирь.

— Так я и думал — в воде ты не столь проворен, точно? — расхохотался, продемонстрировав имеющиеся у него в изобилии зубы, Ферн. — Видишь ли, когда я услышал, что нам придется пообщаться с тобой, я заглянул домой и прихватил одного из своих водных скотостражей. Люди говорят, что дампир в воде почти так же слабы, как и аристократы. Похоже, не врут. Ладно, теперь ты попался — так что стой, где стоишь, глядишь, и потонешь. Или предпочитаешь, чтобы с тобой покончило электрооблако?

— Прекрати! Я иду! — крикнула Лина, глядя, как приближаются к ручью паук и фиолетовые всполохи.

— Не делай этого, Ферн!

— Валяй, прикончи его!

Противоречащие друг другу выкрики шерифа и мэра перечеркнуло внушающее ужас зрелище.

Фиолетовый разряд, нацеленный в обездвиженного Ди, ударил в овальный панцирь, вдруг вылетевший из-под воды.

Все до единого ошеломленно выпучили глаза. Кто бы поверил, что красавчик вырвется из воды, да еще вместе со сцапавшей его тварью?! Тот, кого должны были утянуть вниз, теперь тащил сам — вверх.

Люди наблюдали в действии чудовищную мощь аристократов, равную, по слухам, силе пятидесяти мужчин. На глазах перепуганных дружинников левая рука Ди вспыхнула. Охотник растопырил пятерню, сделал рубящее движение — и все щупальца, удерживавшие его, упали, отсеченные. Освободившись от оков, Ди птицей взмыл в воздух.

Серебристая молния отразила фиолетовый разряд и тут же, пронзив насквозь облако, стремительно отпрянула назад, чтобы отсечь голову гигантскому пауку, а также перерезать брошенную в направлении Ди паутину.

Уши присутствующих вновь слышали, как течет ручей. В мир вернулись обыденные звуки.

Эlegantным взмахом клинка стряхнув с лезвия сукровицу, Ди повернулся спиной к собравшимся, словно ничего и не случилось.

— Ну как, мальчики, довольно с вас? Видите, какой у меня телохранитель?! — ликующе взвизгнула Лина.

Потерявшие дар речи мужчины лишь проводили удаляющегося Ди взглядами.

* * *

После краткого, но убедительного сражения незваные гости убрались восвояси. Ночная тьма уже сочилась сквозь ветви деревьев, а бледная луна начала свое шествие по небу.

Лина вскипятила на маленькой электрической дорожной лампе синтетический кофе. Питье она принесла из своей повозки.

Лампа принадлежала Ди. Серебряный цилиндр шести дюймов в высоту и двух в диаметре мог служить термостатом, обогревателем или охлаждающим элементом. И конечно, на нем можно было готовить. Путешественникам не с руки таскать с собой кучу громоздких приспособлений.

Ловко разлив кофе по синтетическим чашкам, девушка позвала Ди:

— Все готово.

— Кажется, я сказал, что ничего не хочу.

— Ох, ну конечно хочешь. Выпей. Это тебя согреет. А какая красивая луна! — Подойдя к Ди, Лина сунула ему чашку прямо в руки. — А еще я нарезала солонины.

— Не хочу.

— Откуда же ты возьмешь силу, если ничего не ешь? — Впрочем, Лина тут же пошла на попятную: — Ладно, ничего. У меня сегодня тоже нет аппетита.

— У тебя болит живот? — не обернувшись, спросил Ди.

— Дай-ка подумать. Я-то не всегда такая, но в любом случае вампиры ужасны!

Тишина.

— Там, в речке, плавает труп скотостража. Щупальца выглядят так, словно их откусили. Чертовски удивительно!

Ди молчал. Лина прикрыла глаза и, вдохнув аромат кофе, смешанный с запахом свежей травы под луной, сделала глоток.

В листве пел ветер.

Возможно, Ди слушал его.

— Ди... какое странное имя. Что за Ди, откуда? Дьявол, дикарь, дурак? Совершенно тебе не идет.

— Завтра ты отправишься домой, — сдавленно произнес охотник.

— Фигушки!

— Ты наверняка уже знаешь, каков я. Если кто-то расскажет об этом экзаменационной комиссии, тебе наверняка придется отказаться от мечты о Столице.

— Плевать, — хмыкнула Лина и сжала левую руку Ди. — Если это произойдет, я поеду с тобой. Жена охотника... вот будет жизнь, изобилующая приключениями?

Когда же Ди, огорошенный — и немудрено! — повернулся к ней, девушка добавила:

— Шучу, шучу. Просто скажи, что мне можно с тобой, и все будет в порядке.

— Прекрати нести чушь и ложись спать. Мне завтра рано выезжать.

— Завтрак будет ждать тебя.

Лина сложила большой и указательный пальцы колечком: мол, все замечательно.

И даже подмигнула:

— Задай им жару... муженек.

Ди тяжело вздохнул. То был долгий вздох: даже сражаясь с монстрами и аристократами, дампир никогда так тяжело не вздыхал. Кажется, совершенный механизм, коим он подчас казался, начал давать сбой.

— Скажи, Ди, откуда ты пришел? — спросила Лина, уже не озорничая. — Откуда пришел и куда идешь? Или куда идут аристократы? Или даже все человечество в целом?

Ди поглядел на Лину. Возможно, он уловил в словах девушки тревогу.

— Сложный вопрос.

— Ты не знаешь? Даже у тебя, знакомого с обоими мирами, нет ответа? Как это — жить днем и ночью, быть человеком, быть аристократом... ты не знаешь?

— Почему ты спросила?

— Мне действительно хочется знать. Ответь.

Аромат лунных трав витал в воздухе, окружая юношу и девушку.

Ди молча шагнул к дому и привалился к стене. Лина присела на выступающее в футах над землей бревно.

Мир ночи лежал перед ними.

— Быть аристократом, вероятнее всего, это жить по ночам, — тихо начал Ди, держа в правой

руке меч, а в левой — дымящуюся чашку с кофе. — Потенциальная сила, унаследованная аристократами от ночной тьмы на молекулярном уровне, сегодня загадка, но, даже когда процветал золотой век науки знати, им было не под силу раскрыть этот секрет. Почему плоть аристократов неуязвима? Как они могут жить вечно, не старея и не умирая, пока не попадут под солнечный луч или не получат осиновый кол в сердце? Ну разве не смешно: первые существа в истории мира, достигшие такой степени развития, долгожители, которых невозможно превзойти, мучились, как никто на свете, пытаясь разгадать секрет своего могущества.

— А как же генная инженерия? Она ничем не помогла им? Я слышала, в компьютерах аристократов была собрана информация обо всех возможных генах.

— Процесс расшифровки информации, заключенной в каждом конкретном гене, завершился более пяти тысяч лет назад. Но проблема не в этом. Открыв ген, предотвращающий старение, ученые тут же должны были задаться вопросом, почему такой ген вообще возник.

— Откуда мы пришли, куда идем? Думаю, это вечный вопрос для нас всех, аристократов и людей. Но при чем тут сила тьмы, которую ты только что упомянул?

Ди кивнул и поднес чашку к губам. Заметив улыбку Лины, он нахмурился и сделал глоток.

— Ну что, неплохо? — жизнерадостно осведомилась Лина.

— Угу.

— Я рада.

Откашлявшись, Ди заговорил снова:

— Общеизвестно, что жизненные функции аристократов сосредоточены вокруг сердца тьмы. Отсюда несколько гипотез. Предположим, ночной мрак содержит первичный источник силы знати — или ген-ответчик, если хочешь. Другими словами, возможно, аристократы вбирают в себя некую призрачную информацию, заключенную в сумраке, в виде этого самого гена. Такая вот теория.

Глаза Лина вспыхнули и засияли предвкушением и возбуждением, какие знакомы лишь тем, кто приоткрыл тяжелую дверь в неведомое и узрел брызнувший оттуда ясный свет истины.

— Это ген тьмы, да?

— Верно.

— Если бы нам только удалось выяснить его структуру, загадки аристократов были бы решены. «Откуда мы пришли, куда идем?» Ответ на этот вопрос подошел бы и для человечества. Ди, а не выдвигали ли гипотезы, что люди оснащены геном света?

Лунный свет обтачивал профили мужчины и женщины. Пел в ночи ветер, благоухала трава.

— Правильно, — откликнулся Ди. — Быть человеком — значит жить при свете. Длину жизни людей и аристократов не стоит и сравнивать. С точки зрения психологии смертные ужасающе хрупки. Но если взять потенциальную энергию расы в целом...

— Свет превосходит тьму, — негромко пробормотала Лина.

— Таков уж удел.

— Но аристократы, которых мы видим сейчас... — Девушка хотела сказать еще что-то, но осеклась.

Кто-то взывал к ней из самых глубин сердца: «Не говори ничего лишнего!» — и Лина чувствовала, что этот мрачный голос неразрывно связан с ее судьбой.

— Аристократы, бодрствующие днем...

Ди снова отпил кофе и взглянул на Лину. Девушка же покачала головой, словно разубеждая себя, и закончила мысль:

— Этого не может быть.

Ее глаза влажно заблестели, но, прежде чем хлынули слезы, Лина кинулась к Ди и крепко обняла его. Плечи ее затряслись от рыданий.

Она и сама не понимала, отчего ей так грустно и чего она так боится.

Она чувствовала себя беспомощной странницей, бредущей в одиночестве по дороге жизни — в ночи, которой никогда не будет конца.

Ди поставил чашку на пол и ласково погладил волосы девушки.

«Я просто хочу вырваться из этой деревни, — подумала Лина. — Хочу поехать в Столицу с ним. Только мы двое — вместе навсегда».

Парочка застыла в объятиях.

Неожиданно тело Ди напряглось.

Лина упала на пол в той же позе, в какой прижималась к охотнику, а Ди уже стоял у ручья.

Ничего вокруг не изменилось.

Возможно, перемены затронули лишь чувства Ди.

Почему ты еще не пришел? — Голос подало то самое «присутствие» из дождливой ночи. — Я жду тебя. Жду там.

«Где — там? Каково значение этих руин?» — мысленно спросил Ди.

В подобных разговорах существовало лишь одно правило — молчание.

Я могу потерпеть неудачу, — сказала нечто. — Тогда я избавлюсь от всех. Времени мало. Я жду.

«Ждешь чего — или кого? Что ты имеешь в виду под словом "ждать"?»

На заданные вопросы ответа не последовало.

Приходи быстрее. Уже пора. Это продолжается долго, но мне надо гораздо больше времени. Гораздо больше... Намного больше...

Внезапно все исчезло.

«Значит, все-таки развалины?»

Ди оглянулся. Лина стояла у двери. Охотник прищурился.

На лице девушки отражались странные чувства — не то чтобы страх, не то чтобы злость.

— Что-то не так? — спросил он, подойдя ближе.

Лина тряхнула головой:

— Ничего... правда. Ты так быстро ушел... Я просто немного испугалась, вот и все.

Ди помолчал, потом кивнул:

— Тебе надо отдохнуть.

— Наверное, ты прав.

Не теряя времени Лина вернулась в лачугу и забралась в спальный мешок. Внутри было очень тепло благодаря термальным датчикам, фиксирующим температуру воздуха и одновременно температуру тела и поддерживающим оптимальный уровень подогрева.

Ди тем временем покинул мельницу.

«Спорю, он уснет в темноте под пение ветра, прижав ухо к земле, — подумала Лина. — Или ему трудно спать по ночам? Каково это вообще — быть дамиром?»

За сомкнутыми веками девушки проплыла пепельно-серая фигура со словами: «Вспомни, что произошло десять лет назад».

Лина качнула головой.

В голове ее шелестел еще один голос:

Я избавлюсь от всех.

Она тоже слышала речь «присутствия».

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1792150>